

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

В. А. Возчиков

СТУДЕНТЫ И КУРСИСТКИ В ПОИСКАХ СМЫСЛА (два сюжета предреволюционной беллетристики)

УДК 82.3

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

В статье анализируются два малоизвестных литературных произведения, привлекающие не своими художественными достоинствами, но непосредственными свидетельствами жизни русской молодежи в предреволюционные годы; отмечаются факты биографии авторов – А. В. Чемодановой и М. М. Спасовского, – которые не только совместно редактировали и выпускали студенческий журнал «Вешние воды», но и составляли супружескую пару.

Ключевые слова: журнал «Вешние воды»; М. М. Спасовский; А. В. Чемоданова; студенческие кружки начала XX века; свобода слова; государственные устои и традиции.

V. A. Vozchikov

MALE AND FEMALE STUDENTS IN SEARCH OF MEANING (two pre-revolutionary plots of fiction)

The article analyzes two little-known literary works, attracting not by their artistic merit, but direct evidence of life of Russian youth in the years before the Revolution. The paper notes the biographies of the authors - A.V. Chemodanova and M.M Spasovskiy - who not only co-produced and edited the student magazine “Spring Waters” (“Veshnie Vody”), but also were a married couple.

Keywords: magazine “Spring Waters” (“Veshnie Vody”); M.M Spasovskiy; A.V. Chemodanova; student circles in the beginning of 20th century; freedom of speech; state foundations and traditions.

Есть литературные произведения, не отличающиеся художественными достоинствами, однако вызывающие наш интерес как своеобразное отражение своего времени — к таким относятся романы М. М. Спасовского «История одного похищения. Приключения Шерлока Холмса в России и Италии» и А. В. Чемодановой «Из тихого омута». Опубликованные в начале прошлого века в не слишком известном журнале, они давно стали библиографической редкостью, а потому необходимо, прежде всего, сказать об их содержании, а затем уже перейти собственно к интересующей нас проблеме — образу жизни российской молодежи в предреволюционные годы.

В коротком пересказе сюжет романа Михаила Спасовского следующий. Известный журналист Михаил Николаевич Криницкий, в котором легко узнается сам Спасовский, собирает праздничный ужин по случаю своей свадьбы. Однако торжество омрачают два таинственных письма, полученные женихом. В первом — невеста Мария извещает, что она «совсем чужая» Михаилу Николаевичу, а потому уходит навсегда [3. С. 37]. Во втором — бывшая жена Криницкого Ирина, которую все считали умершей пять месяцев назад, шлет Михаилу Николаевичу «горячий поцелуй», она, некогда смертельна больная туберкулезом, оказывается, «жива и здорова» [Там же. С. 38]... Не переживая по поводу Марии, журналист задается целью найти Ирину, для чего, по совету друзей, обращается

за помощью к знаменитому Шерлоку Холмсу. Последний заинтересовался необычным происшествием и приехал в Россию. В ходе расследования выяснилось, что Ирину, вылечив ее с помощью никому не известной сыворотки, похитил Зарецкий, бывший ее поклонник, не смирившийся с тем, что девушка предпочла ему, миллионеру и будущему блестящему медику, самостоятельно и патристично мыслящего литератора Криницкого. Легендарная интуиция Холмса подсказывает, что жертва и похитители могут оказаться в Италии, куда и отправляются герои романа...

Судя по анонсу завершающих глав [5. С. 96], поиск увенчается успехом, однако свой роман Спасовский, похоже, не дописал: в первых книжках журнала «Вешние воды» за 1918 год обещанного прохождения не было, а потом и журнал перестал выходить.

Затрудняемся ответить однозначно, замышлялся ли Михаилом Михайловичем роман как пародия или же виделся действительно художественным произведением, следующим всем законам жанра?.. В пользу первого варианта свидетельствует и легковесность, незамысловатость сюжета, и «угадываемость» интриги, и набор детективных «штампов» («похороны» гроба с дровами вместо покойника; чудодейственное снадобье; зашифрованная записка, оставленная героиней там, где лишь по случайной случайности ее можно обнаружить; прозорливость гениального сыщика, наивность и восхищение его спутников и т. д.), и без труда чита-

емые аллюзии... Начало романа — «С чувством глубокого удивления съезжались друзья Криницкого в его гостеприимный дом — 20 апреля 191* года» [3. С. 35] — вызывает в памяти пушкинское «Гости съезжались на дачу***», причем не только благодаря текстовому содержанию фразы, но и тому настроению ожидания, предчувствия, которое Спасовский попытался придать сцене праздника; Шерлок Холмс без труда разбирает тайнопись записки Ирины [4. С. 84] — такая способность сыщика известна, например, по рассказу А. Конан Дойла «Пляшущие человечки», равно как и умение Холмса распознавать следы идущего или бегущего человека — понять, что «Ирина спешила в беседку, она почти бежала» [4. С. 83], не составит труда для того, кто раскрыл тайну смерти Чарльза Баскервиля; Зарецкий и Тумашев следят за Ириной Васильевной через замаскированное в стене отверстие, как делал и немецкий генерал Клюг фон-Дрей, подсматривая за Анной Васильевной в собственном рассказе Спасовского «Шпионка», опубликованном в «Вешних водах» двумя годами ранее... [2. С. 15].

На наш взгляд, написать достойное художественное произведение — глубоко скрываемаемая мечта Михаила Спасовского, он неоднократно пытался ее реализовать, однако как знаток и ценитель литературы не мог не понимать, что если и есть у него творческие способности, то относятся они к области публицистики. Потому, думается, Михаила Михайловича вполне ус-

траивало, так сказать, «двойственное» восприятие его прозы: пусть литераторы прочтут его роман как пародию на детектив (ведь и спрос с пародии — не как с «настоящего» романа!), но большинство подписчиков «Вешних вод» увидит в «Истории одного похищения» художественное произведение известного редактора, который, стало быть, способен не только критиковать других писателей, но и творить сам!.. Для автора же этих строк роман Спасовского интересен, прежде всего, как возможный источник некоторых подробностей действительной биографии Михаила Михайловича.

Роман Анны Чемодановой «Из тихого омута» остался неоконченным, как и «История одного похищения» Спасовского. Но если последний довел свое повествование практически до кульминации, более того, опубликовал краткое содержание завершающих сюжетов [5. С. 96], то на основании нескольких известным нам глав произведения Чемодановой трудно предположить, как виделось автору дальнейшее развитие действия.

Событийная канва романа, вкратце, такова. Студент Алексей Зарубин приезжает на каникулы к своей семье в провинциальный городок. На перроне он прощается с попутчицей Элей Фебер, ехавшей дальше... Алексей, по-видимому, влюблен в девушку, обещает писать, загадывает о новой встрече... Однако впечатления домашней жизни меняют настроение Алексея, вернее сказать, окунувшись в простоту и естественность с детства родного, он словно возвращается к

себе прежнему, — русскому человеку, которому дороги и близки народные традиции, крепящие государственность российскую духовные идеалы... Алексей чувствует, что Эле вряд ли будет понятным его нынешнее душевное состояние, девушка, как ему представляется, из иного мира — петербургских кружков, поверхностных споров, «модного» отрицания минувшего... Последующее развертывание сюжета покажет, что образ Эли — сложен и интересен, она не принадлежит «толпе», не принимает бездумно чужие мысли, а трудно ищет собственную дорогу.

Зарубин же влюбляется в Зину Игнатьеву — так же, как и он, и в то же время приехавшую из Петербурга к родителям. Алексей очарован Зиной, восхищается ее красотой, душевной глубиной; родители намекают, да и все вокруг знают, что Игнатьева — девушка «с прошлым», однако Зарубин на слухи и разговоры внимания не обращает, делает Зине предложение, которое принимается. Молодые уезжают в Петербург, обустроивают свою семейную жизнь. Спустя какое-то время выясняется, что у Зины есть ребенок — дочка, но известие не отталкивает Алексея от любимой, он с радостью принимает нового члена семьи. Алексей Зарубин — член студенческого кружка; за хранение каких-то «бумаг» его арестовывают, на чем, собственно, и заканчивается опубликованная часть романа. Как бы стали развиваться события далее, повторим, трудно даже предположить, так как четкой сюжетной интриги, удержива-

ющей внимание, интересной в смысле «читабельности» автором не обозначено...

Признаться, у нас нет желания анализировать тексты и Чемодановой, и Спасовского как произведения художественные, и то, что оба романа остались незавершенными, дает нам, кажется, формальное право не подходить к опубликованным главам с мерками литературной критики. Да, как проза — сочинения непрофессиональны; однако замечательная ценность подобных текстов — в подмеченных «мелочах», «картинках» быта переживаемого времени, чутко зафиксированных душевных движениях вступающих на самостоятельную дорогу молодых людей, словом, в том, что принято называть *неповторимым свидетельством очевидцев*.

Вот, например, маленькая подробность, касающаяся тогдашнего воспитания: гимназистки «гуляют по главной улице до положенных начальством *шести часов вечера* (курсив мой. — В. В.), катаются на катке, танцуют на вечеринках» [6. С. 26]. К слову, в указанном смысле и «вечеринка» замечательно описана Чемодановой:

«В гостиной уже затевались игры. «Набор», «папу римского», «фанты» — слышались оживленные возгласы молодежи.

— Идите туда, — встала Зина.

— Да, я давно собираюсь, — ответил, как бы нехотя вставая, Алексей.

Вечеринка шла своим чередом. Отобрали фанты. Алексей должен был, не глядя на предметы, которые вынимала из большой провизионной

корзинки Наташа, назначать штраф.

— Этому фанту оракулом быть...
Этому фанту трепака протанцевать...
Этому фанту что-нибудь спеть...

Наташа вынула из сумки маленький изящный серебряный порт-моне.

— Значит, мне?... А если не умею,
— крикнула Зина.

— Ничего, — а вы чижики, да еще под мой аккомпанемент. Дивно выйдет, у нас запляшут лес и горы, — засмеялся Алексей.

Исполнялись штрафы удивительно усердно. Оракул под черной шалью предсказывал невероятные вещи. Шура по требованию штрафа пропеть петухом загорланил так, что задрожали стекла. Какая-то Наташина подруга, краснея и смущаясь, продекламировала какие-то стихи» [6. С. 36].

Весьма важным для понимания идейных исканий молодежи того времени представляется спор между Алексеем Зарубиным и его младшей сестрой — гимназисткой Наташей — по поводу того, какой должна быть студенческая газета. С одной стороны, рассуждения характеризуют спектр общественных интересов вообще, с другой — нельзя исключить, что в этом споре в той или иной мере отразились мнения, которые выражались Спасовским и его друзьями при организации журнала «Вешние воды». Пора уже сказать, что Анна Чемоданова — жена Михаила Спасовского, взявшая на себя материальную сторону выпуска журнала; потому идейно-биографические параллели в их произведениях неизбежны и естественны.

Отметим, что инициаторы презентовали журнал как издание с очень широкой программой: «Делитесь с нами своими впечатлениями, присылайте нам свои заметки, и о войне, и о сельском хозяйстве, о литературе, — современной и прошлой, русской и иностранной, — присылайте нам свои воспоминания, забытые, старые рукописи, письма, фотографии, — все то, что имеет отношение к живой жизни, волнующейся, все чего-то ищущей, то грустно печальной, то звонко веселой, то мрачно холодной, жестокой, кошмарной, то безмятежно тихой, ровной и примиренной, как вечерний звон.

Программа нашего журнала — широка. Искусство, наука, литература, сливаясь в одном стихийном аккорде, замыкаясь волшебным — даже больше — таинственным словом *жизнь*, дают читателю возможность коснуться любой струны в своей душе» [9. С. 14].

Но есть ли границы заявленной «широты»?.. Как бы не хотелось, никуда не деться от очевидного: всякое печатное издание придерживается определенной идеологии, что по-детски просто и убедительно выразила в споре с братом Наташа. Конечно же, не могло не быть подобных разговоров в редакции «Вешних вод»!.. И собственно должность «издательницы» требовала от Анны Чемодановой несколько «приземлять» излишне идеалистические «порывы» (если таковые были) своих коллег, поступать здраво и рассудительно, как Наташа в романе!..

Полагаем, что в контексте сказанного содержание нижеследующего фрагмента оправдывает его довольно

солидный и нетипичный для цитирования объем.

«— Какую ж это ты, братец, газету-то получил? — обратился к Алексею Николай Егорович.

— Да «Современное Слово», папа.

— Что ж это за газета такая? Я что-то не слышал.

— О ней, пожалуй, и трудно вам слышать, папа! Она распространена среди студентов: дешевая... Соответствует нашему общему настроению, нашим взглядам идейным, политическим... Мы ее студенческой так и зовем. Ну — и по карману. Что, мама, вы так всполошились? — обратился он к матери, которая с испуганным видом перекрестилась при слове «политическим».

— Да ты, Алешенька, уж не политикой ли занимаешься? У нас смотри нынче обыски были... троих угнали куда-то. Ой, не попадись ты, ради Бога! Не делай ты этой политики.

— Успокойтесь, мама, я политики «делать» не буду. По крайней мере, здесь, — улыбнулся Алексей.

— А что, Алеша, — обратилась к нему Наташа, — ты вот сказал, что газета подходит к вашим взглядам... Как же она может угодить всем вам, ведь вас много, а взгляды-то у вас разные.

— Милая Наточка, — с улыбкой выслушав ее, заговорил Алексей, — ты, конечно, газет не читаешь. Это и видно из твоих слов. Ты отчасти права, говоря, что взгляды у людей разные. Вот, например, у папы одни, у меня другие, — тут он взглянул на

отца, и, встретив пристальный взгляд его ласковых добрых глаз, устремленных на него поверх очков, несколько смутился, но продолжал: — Ну, вот мы и читаем разные газеты...

— Ну а что же, — не унималась Наташа, — в «Современном Слове» значит и печатают студенты?

— Да, иногда печатают, или вернее пишут, а уже редакция печатает их вещи, если найдут подходящими.

— Ах, вот что! Так, значит, не газета подходит к вашим студенческим взглядам, а взгляды к газете.

— Почему же это?

— А как же? А если студенты что-нибудь напишут, а она найдет неподходящим?

— Ну, что ж! Это мнение одного-двух лиц... Оно тонет во мнении большинства...

— Да может одно-то это лицо, как ты называешь его, гораздо умнее всех других, всего твоего большинства.

— А по-моему, Алеша, — вмешался вдруг до сих пор молча слушавший их спор отец, — Наташа права. Не газета подходит к вашим взглядам, а ваши взгляды подходят к газете. И правда — какую бы глупость ни написали в газете — вы не можете ее остановить, и что бы вы ни придумали действительно умное, талантливое — не подходит к принципам газеты или не выгодно ей — ну и не поместят, ни за что! И умная мысль останется неизвестной именно той публике — студентам, которую хотел познакомить с нею автор...

— Да, я думаю, что для полного обмена между студентами нужно бы

иметь самостоятельную свою газету, — заговорил вдруг Шура. — Мы тоже вот хотели издавать, гимназисты... Да где нам, — не вышло. А вам-то бы можно...

— Да, да, — подхватила брата Наташа. — Вот именно, свою уж надо газету... И уж пусть печатает все, что бы какой студент ни написал, — хоть бы он даже дурак был. И вы будете знать, что думает каждый из вас, а не большинство...

— Ну, милая моя, такой газеты быть не может, — сейчас пойдут в ход разные тенденции» [6. С. 28—29].

Попробуем обратиться к произведениям Спасовского и Чемодановой в некоем единстве, приняв объединяющим началом студенческую молодежь. В романе Анны Чемодановой собрание студенческого кружка происходит в богатой квартире «гостеприимного адвоката Гельмана, отца одной из курсисток, члена их кружка» [6. С. 31], в детективе Спасовского — «в гостеприимном доме Нины Алексеевны Грачевой» [4. С. 85], чья племянница — близкая подруга Ирины Низовьевой, главной героини «Истории одного похищения»; в первом случае кружок возглавляется «студентом из «вечных» Львом Марковичем Махлиным [6. С. 30], в другом — лидером признается «карьерный» студент-медик Иван Заредкий [4. С. 86—87], оба умны, обаятельны, авторитетны в студенческих кругах, способны увлечь слушателей ярким словом; в обоих романах главные героини — Елена (Эля) Фебер и Ирина Низовьева — пона-

чалу в восхищении от «блестящих» ораторов, покорены их доводами [6. С. 31; 4. С. 88—89], однако затем их позиции меняются, ибо главное в девушках — «коренные», народные начала, не позволяющие фальшивой позолоте рефератов на «актуальные» темы затмить истинные ценности добра и справедливости...

И Чемоданова, и Спасовский пишут о том, что хорошо знают, о жизни студенток и курсисток, их мыслях и чувствах, по сути? о самих себе; думается даже, перед глазами авторов — одни и те же реальные люди, наделенные в книгах иными именами, действующие в ситуациях, где с наибольшей полнотой проявляются положительные или негативные особенности их поведения, как того требуют «законы» беллетристики!.. Однако если Спасовский откровенно, лишь с минимально необходимой «ретушью» опирается в повествовании на факты собственной биографии, то Чемоданова в этом отношении более целомудренна: она «присутствует» и в образе Эли Фебер, и в характере другой своей замечательной героини — Зины Игнатьевой, вышедшей, напомним, по сюжету романа замуж за главного героя — Алексея Зарубина. Не случайно свои излюбленные думы о счастье — «Счастье, счастье! Немногих, не часто и не надолго посещаешь ты... Но расставшись с тобой ... не забыть тебя» [8. С. 59] — Чемоданова связывает именно с Зинаидой, сердечно сочувствуя последней. Зина печалится: «... слишком короткое счастье!» [7. С. 68] — и то

печаль именно Анны Чемодановой. Что в ней — грусть от болезни, предчувствие своего скорого ухода из этого мира?.. Нежность к близким?.. И то, и другое, и много чего еще в этом вздохе, негромком, но светлом предликом неизбежного...

В. Игнатович в своем кратком, чуть более странички, послесловии к некрологу Анны Спасовской (Чемодановой) трижды (!) обратился к приведенным выше словам о счастье: сначала поставив эпиграфом («Счастье, счастье! Не часто, не многих и ненадолго посещаешь ты ...». А. Спасовская; цитата несколько отличается от тех слов, что в романе, очевидно, Игнатович воспроизводил их по памяти); затем — в первых строках текста, непосредственно соотнося их с жизнью Спасовской («Счастье, счастье! Не долго ты озаряло молодые дни безвременно ушедшей от жизни дорогой нашей Анны Васильевны» [1. С. 7]; наконец, их произносит на перроне вокзала, прощаясь, как оказалось, навсегда, сама Анна:

«Помните мои слова: «Счастье, счастье! Не часто, не многих и ненадолго посещаешь ты, а расставшись с тобою, не забыть тебя», - напишите же рассказ ...» [1. С. 8].

Виталий Игнатович и слова не забыл, и прощальный рассказ написал...

Анне Чемодановой близка Зина, способная преодолевать трудные жизненные ситуации, идти своим, сердцем указуемым путем, талантливая (пение Зины на молодежной вечеринке у Зарубиных до глубины души

тронуло слушателей... [6. С. 37–39]). Оценка Зиной деятельности студенческого кружка добродушная, в меру ироничная, по-житейски справедливая: если собрания — дружеские молодежные посиделки, зачем подолгу читать «несчастливого Маркса»?.. ежели действительно ведутся некие «идейные» споры, то почему все разногласия кончаются под тост «за общее дело»?.. В общем, «все славные... так себе...». Приведем полностью данный фрагмент из романа А. В. Чемодановой:

«— Ну, Зина, теперь ты хорошо познакомилась со всем нашим кружком... Знаешь всех моих знакомых, — поняла какую жизнью живем мы все. Скажи же мне что-нибудь обо всех нас, — все, что понемногу накопилось у тебя от всех этих встреч. Что ты скажешь о нашем кружке, об отдельных его членах?»

— Да как тебе сказать... Ничего! Все славные... так себе. Махлин, пожалуй, самый интересный и воспитанный.

— Это потому, что он тебе руку целует всегда? — засмеялся Алексей.

— Да, отчасти и потому, — больше-то ведь ни один не догадался!.. Что за народ! Окурки на поднос и в цветы суют, в рубашках ходят... А кружок? В кружке было бы очень весело, если бы не читали так подолгу этого несчастного Маркса, да меньше бы спорили... Впрочем, споры тоже бывают интересные... Калугин, ну как вулкан, изрыгает пену, а Штрихов бегаёт, как заводная игрушка и локтями размахивает... А в конце концов

все-таки все соглашаются и за ужином пьют «за общее дело» и «общую идею»... Чего же тогда спорить? Не правда ли?...» [8. С. 76—77].

У Эли Фебер отношение к кружку более личностное, эмоциональное, что и понятно: девушка постепенно убеждается, что разговоры на молодежных собраниях, сам «дух» их не оправдывают ее интеллектуальных ожиданий, не совпадают с душевным настроением.

Об одном из типичных заседаний, открывшемся, как обычно, совершенно пустым по сути, но «блестящим» по «модному» словесному набору выступлением «вечного» студента Махлина, вспоминает Алексей Зарубин:

«— И где бы мы, господа, ни жили, куда бы ни закинула нас судьба, мы должны помнить: мы граждане мира, у нас нет и не должно быть родины, нет родственных привязанностей, — все люди братья. А наиболее тесная семья каждого из нас — наш кружок. Мы — братья вдвойне, мы братья по духу, по идеям... Забудем же о семье, о родных — забудем о родине и соплеменниках. Это старо, это отжило... Устремимся к новому идеалу, — любви ко всему миру, поставим счастье всего человечества выше счастья родины, счастья семьи...»

Алексей вспомнил, какими шумными аплодисментами наградили они оратора, как загорелись глаза их, как поднялось настроение. Вспомнился горячий взгляд, каким провожала Эля уходящего Махлина, когда молодая «армия борцов за счастье мира» высыпала из дверей богатой квартиры

гостеприимного адвоката Гельмана...» [6. С. 31].

Однако ложный пафос махлинского красноречия чем дальше, тем более не принимается курсисткой Фебер:

«... в душе вдруг выросло громадное желание выйти, встать на то самое место перед маленьким попитром, где стоял сейчас Махлин, и говорить, говорить... Но говорить уже совсем другое... Свое!.. Опровергнуть его во всем, доказать, что это лишь фразы. А вот то, что скажет она... А что она скажет? Это Фебер не знала... Все мысли, волновавшие ее за несколько минут, пропали, рассеялись, как дым. И нет их больше, и нечего сказать ей, не на что опереться.

— Какое бессилье! — незаметно для себя произнесла она» [7. С. 66].

Напротив, герой романа Спасовского Михаил Криницкий знал, «что сказать», когда оказался на подобной «интеллектуальной» молодежной вечеринке!.. Вмешавшись в спор о состоянии литературы, Михаил решительно раскритиковал взгляды амбициозного Зарецкого на современное творчество, и «по мере того, как говорил Криницкий, сочувствие слушателей явно склонялось на его сторону», — такова, по мнению Спасовского, сила «убийственной аргументации», приведенной главным героем повествования [4. С. 92]. Правда, на наш взгляд, доводы Криницкого весьма схематичны и отнюдь не убедительны, а замечание Ирины Низовьевой: «Зачем так резко разграничивать русскую литературу от современного писательства?»

[4. С. 93] — совершенно справедливо. Однако в настоящем случае речь о другом: по замыслу автора романа, как мы полагаем, вдохновенное выступление Криницкого о высоких духовных ценностях, коим следовали в своих творениях великие русские мастера художественного слова прошлого, в пределе должно было обратить мысли слушателей на непреходящее величие «исторической» России, силу и красоту ее нравственных устоев; современное же писательство, вольно или невольно, расшатывает русскую государственность, опошляет культуру нашу, — и посему оно не приемлемо в принципе, отрицается Криницким безоговорочно, огульно, даже без обращения к конкретным текстам... Психологическая — в силу простоты — привлекательность тезисов (есть «враги» с характерными фамилиями и цветом глаз — это якобы «они» разрушают нашу русскую, столь прекрасную и чистую жизнь!..), хлесткие фразы, эмоциональный и уверенный тон обеспечили выступающему безоговорочную идейную победу над Зарецким, направили мысли членов кружка по новому — конечно, «правильному»! — направлению.

Приведем некоторые доводы Криницкого-Спасовского:

«Теперь благоволите спуститься на землю и обратить свое благосклонное внимание на современное писательство, на того кумира, в защиту которого мы только что имели счастье слышать столько восторженных речей, — на того поистине страшного столикого зверя, сторукого спрута, который на

своем мрачном «алтаре» безнаказанно вершит заклятие и разодрание всего русского, нагло обкрадывая русский язык, глумливо опошляя русский ум, дерзко оплевывая русскую историю, публично и разгульно-широко понося русский народ. Современное писательство с ее косноязычными вождями — оно обокрало нас, оно оскорило русскую жизнь, вытеснив из нее все наши духовные ценности, нашу психологию, нашу нравственность, наши русские идеалы.

Русская литература под тлетворным дыханием этого ужасного хорюда выродилась в покойницкую, где живому свежему человеку невозможно, нечем дышать, где скалят зубы черепа убийц и кретинов. А вы, *collega* Зарецкий со своей соседкою (Ириной Низовьевой. — В. В.) хотите убедить нас, что современное писательство, несущее в себе смерть и разложение, провозглашает будто бы «передовые идеалы» и тем самым далеко позади себя оставляет «старую» русскую литературу, «отсталую» по своим воззрениям. Никаких «передовых идеалов» современное писательство никогда не провозглашало» [4. С. 91–92].

Не углубляясь, как уже оговорено выше, в идейное содержание студенческих споров (к тому же в интерпретации авторов художественных произведений), отметим собственно наличие дебатов по тем или иным представляющимся значимым поводам как смысл и цель существования молодежных кружков того времени. Блестали лидеры, восхищались своими «кумирами» курсистки, провозг-

лашались горячие призывы, давались клятвы, о чем-то мечталось, во многое верилось, — и вся жизнь, конечно же,

праведная, наполненная борьбой за счастье и справедливость, была впереди...

Список литературы

1. В. И. [Послесловие к некрологу А. В. Спасовской] // Вешние воды: Научно-литературно-художественный студенческий журнал. Книга IV—V. Том XIII—XIV. — Петроград: Отечественная типография, 1916. — С. 7—8.
2. Михайлович. Шпионка: Военный рассказ / М. М. Спасовский // Вешние воды: Научно-литературно-художественный студенческий журнал. Год первый. Книга 8—9. — Петроград: Отечественная типография, 1915. — С. 9—21.
3. Спасовский, М. М. История одного похищения. Приключения Шерлока Хольмса в России и Италии: Роман в 3-х частях. I—II / М. М. Спасовский // Вешние воды: Научно-литературно-художественный журнал. Т. XXII. Апрель. — Петроград: Невская типография, 1917. — С. 35—52.
4. Спасовский, М. М. История одного похищения. Приключения Шерлока Хольмса в России и Италии: Роман в 3-х частях. IV. Часть вторая. I / М. М. Спасовский // Вешние воды: Научно-литературно-художественный журнал. Т. XXV-II. Июль-август-сентябрь. — Петроград: Невская типография, 1917. — С. 81—97.
5. Спасовский, М. М. История одного похищения. Приключения Шерлока Хольмса в России и Италии: Роман в 3-х частях. Часть третья. Глава I / М. М. Спасовский // Вешние воды: Научно-литературно-художественный журнал. Т. XXX. Декабрь. — Петроград: Невская типография, 1917. — С. 89—96.
6. Чемоданова, А. В. Из тихого омута: Роман / А. В. Чемоданова // Вешние воды: Научно-литературный художественный журнал. Год первый. I. Сентябрь. — Петроград: Отечественная типография, 1914. — С. 25—44.
7. Чемоданова, А. В. Из тихого омута: Роман / А. В. Чемоданова // Вешние воды: Научно-литературно-художественный студенческий журнал. Год первый. II—III. — Петроград: Отечественная типография, 1914. — С. 55—74.
8. Чемоданова, А. В. Из тихого омута: Роман / А. В. Чемоданова // Вешние воды: Научно-литературно-художественный студенческий журнал. Год первый. IV. — Петроград: Отечественная типография, 1914. — С. 57—77.
9. Apropos // Вешние воды: Научно-литературный художественный журнал. Год первый. I. Сентябрь. — Петроград: Отечественная типография, 1914. — С. 14.